



В. В. ШИГИН

ПОЭЗИЯ МАТРОССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ



Владимир Виленович Шигин
Поэзия матросской революции
Серия «Энциклопедия
морской культуры»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21200788
Владимир Шигин Поэзия матросской революции из серии: «Энциклопедия
Горизонт; Москва; 2016
ISBN 978-5-906858-26-9

Аннотация

Кому из нас не знаком образ матроса революции? Широкоплечий красавец в бушлате, перепоясанный пулеметными лентами, с маузером на боку и в лихо сдвинутой на затылок бескозырке. Влияние матросов на все виды деятельности в России в эпоху революций 1917 года и в последующей Гражданской войны было поистине всеобъемлющем... Из небольшого экскурса в антологию матросской революционной поэзии следует, что в целом матросы революции оказали огромное влияние на направленность российской поэзии своего времени. Практически все видные поэты начала XX века отдали поэтическую дань матросам, обогатив отечественную литературу, как минимум, несколькими произведениями на эту тему. Синусоида матросской революционной поэзии, то возносила

и обожествляла главных героев революции, то, наоборот, низвергала их вниз, как исчадь ада. При этом во многом такое отношение являлось следствием того, где и когда сочиняли свои стихотворения авторы. Если процесс написания происходил в «красном» Петрограде – перед нами появлялся один матрос, если в занятом белогвардейцами Крыму – то совершенно иной. Помимо этого направленность стихотворений о роли матросов в революции отразила и все политические коллизии того времени. Но, невзирая на кровавость и жестокость, невзирая на все свои метания, матросы остались в народной памяти, как почти эпические герои, как бескомпромиссные борцы за полную свободу от любой власти. Именно поэтому к теме революционных матросов отечественные поэты возвращались и десятилетия спустя, хотя все более и более легендируя реальных матросов. В определенном смысле это была уже просто дань старой традиции.

Владимир Шигин

Поэзия матросской революции

Правообладатель: ООО «Горизонт»



Кому из нас не знаком образ матроса революции? Широкоплечий красавец в бушлате, перепоясанный пулеметными лентами, с маузером на боку и в лихо сдвинутой на затылок бескозырке. Влияние матросов на все виды деятельности в России в эпоху революций 1917 года и в последующей Гражданской войны было поистине всеобъемлющим. Именно они явились локомотивом двух революций, именно они были в авангарде всех сражений Гражданской, дрались на море и на суше, карали врагов в застенках ВЧК, анархиствовали и бес-

чинствовали, а, в конце концов, не убоились замахнуться в Кронштадском мятеже на всем им обязанную большевистскую власть. Романтический ореол и своенравность, презрение к смерти и склонность к анархии, верность идеалам свободы и готовность за них умереть, все это, разумеется, вызывало искреннее восхищение этими санкюлотами русской революции у одних, и столь же жгучую ненависть у других. Но равнодушных не было..

Историк А. Киличенков пишет: «Матросы, будучи в большинстве своем рослыми, хорошо физическими развитыми в броской и непривычной форме на фоне серой и невзрачной солдатской массы производили яркое и запоминающееся впечатление. Кроме того, традиционная нехватка на кораблях винтовок и револьверов порождала у матросов почти детскую тягу к обвешиванию оружием. С чисто практической точки зрения обвешивание себя пулеметными лентами, ношение за поясом гранат и нескольких револьверов было весьма неудобным и небезопасным... Однако на людей штатских увешанная револьверами и бомбами „гвардия Октября“ производила неотразимое впечатление. Большевики часто поручали матросам различные акции по „наведению порядка“. Один лишь вид балтийцев действовал на слабонервных интеллигентов устрашающе...» Да и в реальности большинство матросов были ребятами отчаянными, не боявшимися ни черта, ни бога. Вот лишь один пример. Газета «Бурят-монгольская правда» за 1927 год приводит открито

вения одного из белогвардейских офицеров: «Матросы, те, как дьяволы. Повели мы троих вешать. Один, как папиросу курил, так и в петлю с папироской полез. Другого подняли, он висит и ногами, представляете, дрыгает. А третий стоит и на второго смеется: „Видно, – говорит, – не нравится ему ваша кадетская качеля“». И это признание самых отъявленных врагов! Что же тогда говорить обо всех остальных!

Разумеется, что вне всеобъемлющего матросского влияния не осталась и отечественная литература. С первых дней февральской революции 1917 года прозаики и поэты, буквально, наперегонки бросились сочинять вирши в честь новых хозяев страны. В этом деле поэты явно оставили позади прозаиков, ибо матросы книг особо не читали, зато на бесконечных митингах всегда с удовольствием слушали стихи в свою честь. Именно поэтому авторы старались читать свои сочинения сами. Помимо всего прочего, удачные «проматросские» стихи гарантировали, как определенные материальные блага в виде продпайков, так и лояльность самих матросов, которые великодушно вычеркивали «революционных поэтов» из своих расстрельных списков. По этой причине, матросскую тему в революционной поэзии практически не обошел стороной никто из более-менее известных российских поэтов того времени.





Разумеется, не случайно, что в этом неофициальном соревновании российских литераторов в своей «любви» к революционным матросам дальше всех зашли именно классики отечественной поэзии начала XX века. Это, прежде всего, знаменитый Александр Блок, который первым довел восхваление матросов до высот дотоле небывалых. При этом Блок четко отделил матросов революции, от их заурядных предшественников. В одном из своих ранних стихотворений Блока, матросы – это всего лишь фон морской романтики:

Ты помнишь? В нашей бухте сонной
Спала зеленая вода,
Когда кильватерной колонной
Вошли военные суда.

Четыре – серых. И вопросы
Нас волновали битый час,
И загорелые матросы
Ходили важно мимо нас...



Прошли годы и те же матросы, в восприятии Блока, стали выглядеть уже не столь романтично. Более того, Блок даже не скрывает к ним своей презрительной жалости. Так в стихотворении «Поздней осенью из гавани», он явил читателям образ совсем иного матроса – горького пьяницы, отставшего от ушедшего в море корабля и замерзшего по пьянке в сугробе.

И матрос, на борт не принятый,
Идет, шатаясь, сквозь буран.
Всё потеряно, всё выпито!
Довольно – больше не могу...

А берег опустелой гавани
Уж первый легкий снег занес...
В самом чистом, в самом нежном саване
Сладко ли спать тебе, матрос?

АЛ·БЛОК·



АВВНАЧАТЬ

СО ВСТУПИТЕЛЬНОЮ СТАТЬЕЮ
ИЖАНОВА-РАЗУМНИКА

о о о

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
«НОВЫЙ ПУТЬ»
ОДЕССА 1918

Но пришли иные времена, а вместе с ними изменилось и отношение А. Блока к матросам. Известно, что Александр Блок и Февральскую и Октябрьскую революции встретил восторженно. Искренно это было или нет, нам неизвестно. В 1918 году Блок пишет свою поэму «Двенадцать», где матросы-большевики уже фактически уподобились... христианам-мессианцам.

Что же касается его давнего, замерзшего по пьянке в сугробе матроса, то, тот, как выяснилось девять лет спустя, был просто «замордован царским режимом». Теперь же, в условиях революции, пьяный матрос, со столь же пьяными красногвардейцами, в одно мгновение становится для поэта мессией, неким высшим существом, посланным небом для исправления человечества. В финале блоковской поэмы, как мы помним, совершенно неожиданно появляется Христос, ведущий за собой не слишком трезвых красноармейцев. Образ более чем неожиданный.

Как и следовало ожидать, столь смелая метафоричность Блока оказалась слишком сложна для публики. Тогдашний революционный читатель, в целом восторженно принимая «Двенадцать», испытывал серьезные затруднения, наталкиваясь в финале поэмы на образ Христа, совершенно чуждый – в его общепринятом значении – духу эпохи. Упоминание о Христе в этом произведении, да еще «впереди» безбожников-красногвардейцев, многим казалось странным и

неуместным. А потому «Двенадцать» в агитбригадах лихо переделывали на свой лад и вместо последних слов: «В белом венчике из роз впереди идет Христос», под бешенные аплодисменты матросской аудитории, читали: «В белом венчике из роз впереди идет матрос!» Понять чтецов можно, ведь до христианского блоковского иносказания никому не было никакого дела, а вот шествующий впереди революционно-бандитского патруля с маузером на боку матрос, был всем понятен, пусть даже и в святом венце.

Что касается самих матросов, то те были вообще в восторге от столь высокой оценки их революционной деятельности. Кстати, впоследствии при публикации поэмы «Двенадцать» и советские цензоры уже по иным мотивам также вымарывали Христа из последней строфы, вписывая вместо него все того же обожествленного матроса.

Историки литературы А. Меньшутин, А. Синявский в своем труде «Поэзия первых лет революции» пишут: «Известно, что современники Блока, не зная „куда девать“ Христа в „Двенадцати“, иногда прибегали к наивной хитрости и пытались как-то „исправить“ или „подновить“ текст поэмы. Некоторые чтецы, выступавшие с „Двенадцатью“ перед массовой аудиторией, заменяли последнюю рифму на „более подходящую“ и впереди красногвардейского отряда выпускали „матроса“, что, конечно, их слушателям было ближе и понятнее. Но нельзя не заметить, насколько проигрывает поэма Блока при подобной (казалось бы, такой незначи-

тельной) „замене“. „Впереди идет матрос“ – такое „исправление“, помимо всего прочего, снимает нарастающий к финалу обобщенно-символический план поэмы, сообщает ей сугубо „местный“ колорит, обытовляя и, таким образом, нарушая ее „всемирное“ звучание».

Ну, а что думал по этому поводу сам автор? «... Я у каждого красногвардейца вижу ангельские крылья за плечами», – говорил Блок в период создания «Двенадцати». Ну, а если сам автор считает красноармейцев ангелами, то почему бы и матросу не предстать в образе Христа? По крайней мере, это вполне укладывается в логическую схему самого А. Блока.

Да и позднейшими исследователями поэмы был собран большой материал, позволяющий со всей определенностью говорить о том, что образ Христа в трактовке А. Блока очень далек от церковного понимания и во многих отношениях прямо ему противоположен. От традиционного Христа здесь осталась, по сути дела, лишь идея «святости», «высшей правоты» и «человечности», тогда как целый ряд канонических представлений, связанных с этим именем (например, идея примирения и всепрощения) был отброшен А. Блоком или резко переосмыслен. Поэтому «блоковский Христос», не являясь, по сути, настоящим Христом, в реальности весьма близок к своей подмене – Матросу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.